

Военные эпизоды

Михаил Львович Рудник родился 2 мая 1924 года, участник Великой Отечественной войны. Имеет награды: орден «Великой Отечественной войны I степени», медаль «За отвагу», медаль П. Сухова и другие награды. С 1949–1954 гг. обучался в Хабаровском государственном педагогическом институте на факультете иностранных языков. В 1954 г. принят в аспирантуру при ХГПИ. В 1957 году Михаил Львович закончил аспирантуру по специальности «Английский язык» и был направлен в Барнаульский государственный педагогический институт. С 1957 по 1978 г. работал старшим преподавателем английского языка, в 1978 году уволился по собственному желанию (резко стал терять слух) и пошел работать простым рабочим на Алтайский моторный завод. В 1981 году, в возрасте 57 лет окончил исторический факультет БГПИ, еще позже – Барнаульский химико-технический техникум. На протяжении 10 лет активно ведет переписку с американскими ветеранами Второй мировой войны. Михаил Львович за годы этой переписки, в которой американские и наши солдаты обмениваются своими воспоминаниями о ВОВ, накопил богатый материал.

Минуло 56 лет со дня Великой Победы. Лет много, а прошедшая жизнь кажется короткой. И опять в этой короткой жизни теснится масса воспоминаний, особенно о той войне. Которые же из них выбрать, чтобы они были также важны и связаны с днем сегодняшним?

Вот лишь несколько кратко изложенных **Михаилом Львовичем Рудником** эпизодов:

– С ноября 1942 года я, красноармеец, служил на Дальнем Востоке на границе с Манчжурией. На другой стороне реки Уссури находились японские милитаристы.

В декабре 1943 года – я в воинском эшелоне, идущем на запад, на фронт.

Вот на фронт меня увозит эшелон,
По Уралу день и ночь идет вагон.
Я в вагоне фотографию твою
Из кармана гимнастерки достаю.

В середине теплушки стоит печь буржуйка. В ней горит уголь, и она раскалена добела. Вокруг печи сгрудились несколько красноармейцев. Варят тюрю в своих котелках. Рассказывают друг другу о знакомых девушках, о встречах, об увлечениях.

В марте 1945 года, после того как я, будучи наводчиком орудия, пойду сражаться с гитлеровцами на Западном, 3-м Белорусском и 1-м Прибалтийском фронтах, как раненый буду лежать в госпитальной палате, волнуемое чувство к девушке будет выражено мною в нескольких четверостишиях:

Я хочу быть вновь сильным и ловким,
Чтоб гордиться ты мною могла.
Чтобы в схватке смертельной, жестокой
Опрокинуть сумел я врага...

Эта романтика юношеских влечений к любви глубоко волновала нас, молодых солдат Красной Армии.

И не думаю, чтобы любовь во всех ее проявлениях в чем-то изменилась с тех пор сегодня. Хотя, конечно, каждый и каждая в своей жизни открывает ее для себя впервые.

В Москве из эшелона отобрали людей с десятилетним образованием. Нас направили в зенитно-артиллерийское училище в Кунцево. С пяти часов утра до позднего вечера мы занимались изучением силуэтов боевых немецких и советских самолетов, материальной части 37-мм зенитного орудия, наводкой орудия на цель.

В ходе учебы в течение января и более половины февраля нам не довелось произвести ни одного выстрела из изучаемой пушки.

Досыта поесть и поспать было неосуществимой мечтой курсанта. Кто-то из моих товарищей дал мне кусочек жмыха, чтобы помочь в постоянных страданиях от голода. Мизерных порций пшенной каши и кусочка хлеба нам явно не хватало. Вообще чувство голода мне пришлось испытывать еще многие годы. Только к середине 50-х, когда в стране был получен первый урожай с освоенных целинных земель, я смог поесть достаточно хлеба. Но в пять утра мы, обнаженные по пояс,

бодро выбегали из казармы и умывались ледяной водой. А вечером, маршируя колонной вокруг казарм, пели:

Стоим на страже всегда, всегда,
И если скажет страна труда,
Прицелом точным врага в упор,
Дальневосточная, даешь отпор,
Краснознаменная, смелее в бой...

В конце февраля, присвоив нам звание ефрейторов, меня и моих товарищей отправили на фронт.

За Смоленском последнюю часть многокилометрового марша продвигались небольшими группами. Со своим другом Сашей Шейфотом мы шли вдвоем. Заснеженная дорога вела на запад. По сторонам дороги сугробы снега простираются до горизонта. Уже начинает темнеть, а впереди не видно конца, никаких признаков жизни. Слева от дороги видим очертания нескольких деревенских домишек. Ночь уже наступает, и мы идем к этим домам.

В доме хозяйка и ее двое маленьких детей. Усталость одолевает, и мы ложимся на отведенное нам место. Еще затемно утром мы хозяйке дали две пачки концентратов пшенки, и она сварила кашу в наших двух солдатских котелках в русской печи. Из одного котелка мы все вместе позавтракали, и второй котелок с кашей положили в мой вещмешок. Поблагодарив хозяйку, мы отправились в путь.

Идем достаточно долго. Мимо проехал грузовик. Решили «подцепиться» на следующий, с заднего борта. Мне это удалось, и, прежде чем я сумел спрыгнуть обратно, машина пронесла меня вперед на большое расстояние. Иду по дороге обратно навстречу Сане. Почему же так долго не видно его. Уже и есть хочется ужасно. И как я был рад увидеть вдали приближающуюся одинокую знакомую фигуру. Мы поели кашу и двинулись дальше.

Среди редкого леса видим группу военных людей, несущих на брезенте мертвого мужчину. Гимнастерка на нем окровавлена. Скорбная похоронная процессия. Теперь-то мы уже близко от передовой.

Командир зенитной батареи 37 мм пушек назначает меня первым наводчиком орудия. В землянке нас семь человек расчета. Рядом орудие в артиллерийском дворе.

Через день-два слышу команду «К орудию!», быстро занимаю свое боевое место. Приближалась армада боевых самолетов противника. Они шли прямо на нас. Но команды открыть огонь все не было. Очевидно, командир решил подпустить фашистов поближе, а затем встретить их сокрушительным огнем всего 1383-го артполка.

Эта надвигающаяся на нас лавина немецких самолетов была зловещей и страшной. Ты видишь, как она неминуемо должна была обрушиться на тебя, и чувствуешь страх.

Но вот, наконец, подана команда открыть огонь. Открываю огонь и впервые слышу выстрелы из своего орудия, вижу трассирующий след снарядов по направлению к цели. Десять орудий полка извергают трассирующие снаряды. Видно, как горят и дымят подбитые нами вражеские самолеты. Боевые порядки самолетов противника рассеяны.

Этот бой был моим первым боевым крещением.

Впереди были бои с гитлеровцами в Белоруссии, Литве, на границе с Восточной Пруссией.

* * *

Великая Отечественная война является самой большой, кровопролитной, жестокой, разрушительной войной в истории человечества. К великому сожалению, уроки этой войны по-настоящему не изучаются и не принимаются во внимание.

Сейчас идет вторая чеченская война. По масштабности она, конечно, во много раз меньше Великой Отечественной. Но вижу много схожего: за спиной солдат Гитлера стояло то же самое, что сейчас стоит за спиной международных террористов в Чечне: преступность, жестокость, изуверство, мракобесие. Как и фронтовики Отечественной, российские солдаты полны решимости уничтожить противника.

Эта схожесть проявляется в патриотизме, любви и верности своей Родине, в боевом братстве, в выносливости и бодрости духа в тяжелых условиях фронтовой жизни, в отваге и героизме в боях с противником.

Март 2000 г.

М. Л. Рудник